

Омельян Анна Михайловна

Ю. П. КАЗАКОВ И И. А. БУНИН: К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА ДУХОВНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ

В статье рассматривается проблема духовной и творческой близости Ю. П. Казакова и И. А. Бунину, не получившая в современной науке должного осмысления. Анализ нравственно-философских, этических воззрений маститого писателя, ключевых принципов его творчества позволил доказать, что И. А. Бунин стал для Ю. П. Казакова одним из тех учителей-единомышленников, которые указали ему верное направление движения в литературе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 156-159. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

В статье рассматривается проблема духовной и творческой близости Ю. П. Казакова и И. А. Бунину, не получившая в современной науке должного осмысления. Анализ нравственно-философских, этических воззрений маститого писателя, ключевых принципов его творчества позволил доказать, что И. А. Бунин стал для Ю. П. Казакова одним из тех учителей-единомышленников, которые указали ему верное направление движения в литературе.

Ключевые слова и фразы: литературная традиция; новаторство; эстетический и духовный ориентир; художественное наследие; критика.

Анна Михайловна Омелян, к. филол. н.

Кафедра филологического образования

*Белгородский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов
onr914@yandex.ru*

**Ю. П. КАЗАКОВ И И. А. БУНИН:
К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА ДУХОВНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ[©]**

Талантливый поэт, тонкий и чувственный мастер прозы, глубокий мыслитель, Ив. Бунин оставил заметный след в истории русской литературы. Повышенное внимание к насильно забытому, но в конечном итоге справедливо возвратившемуся на родину в годы «оттепели» благодаря собственным книгам писателю было закономерным и вполне объяснимым. Долгое время в Советском Союзе имя Бунина попросту замалчивалось, его произведения не издавались, а потому были недоступны подавляющему большинству наших читателей.

В 1950-е гг. появление книг художника на родном поле русской словесности вызвало оживленный интерес не только у простых ценителей большой хорошей литературы, но и у молодых, начинающих писателей, для которых нобелевский лауреат стал своеобразным эстетическим и духовным ориентиром. «Бунин – по времени последний из классиков русской литературы, чей опыт мы не имеем права забывать...», – утверждал А. Твардовский [19, с. 232]. Вдохновленные завораживающей магией бунинской прозы, молодые писатели второй половины XX века не только не забыли опыт нобелевского лауреата, но и смогли, творчески переработав, продолжить его традиции в собственных произведениях. «Слово писателя жадно было воспринято» (Л. Смирнова) В. Астафьевым, В. Беловым, Ю. Бондаревым, В. Лихоносовым, Ю. Нагибиным, Ю. Трифоновым и др. [5, с. 365-374].

В ряду названных писателей, отмеченных родством с именитым художником слова, особое место следует отвести их современнику и коллеге по перу Ю. П. Казакову, в творчестве которого близость с великим мастером ощущима, пожалуй, сильнее всего.

Однокурсник писателя М. М. Рошин вспоминал: «В Литинституте мы учились вместе с Юрием Казаковым. Именно я принес ему как-то Бунина, хотя сам, весьма начитанный московский юноша, лишь в двадцать лет обнаружил, что есть такой писатель на свете, – настолько Бунин был в запрете» [15, с. 3].

Казаков признавался, что, прочитав впервые некоторые произведения Бунина, был ошеломлен и поражен силой и глубиной его таланта: «Когда... я стал расти в литератора, только-только расправил крылья, по мне и ударил Бунин. Резко, внезапно, неестественно сильно. Недаром в ту пору Катаев говорил пораженно, сколько молодых робких талантов сгубил Бунин: как начали они писать под него, так и не выбрались потом» [7, с. 176]. Казаков «обожествлял» Бунина, называл его «самым могучим, самым прекрасным русским писателем», «олимпийцем» [5, с. 369]. «Таких, как он, у нас на Руси было три-четыре, не больше», – замечал молодой прозаик в письме к В. Пановой [10, с. 164].

Позже одним из сокровенных, но, к сожалению, так и не сбывшихся творческих замыслов Казакова была мечта создать книгу об Ив. Бунине. В 1968 г., отвечая на вопросы анкеты, художник признавался: «Я действительно намереваюсь написать книгу о Бунине... Есть у Стефана Цвейга цикл повестей о великих людях под общим названием “Звездные часы человечества”. Такой же, примерно, представляется мне и моя будущая книга...» [6, с. 279]. Тарусский друг писателя А. Шеметов вспоминал, что Казаков «долго и серьезно готовился к этому» шагу, тщательно собирал материал о Бунине: «Поехав во Францию, он разыскал людей, хорошо знавших Ивана Алексеевича, говорил с Зайцевым и Адамовичем, о многом их расспросил» [21, с. 49]. Беседу с Б. Зайцевым Казаков записал на пленку. О своих поисках дома, где жил Бунин в годы эмиграции, Казаков позже написал в очерке «Вилла Бельведер» (1968-1969), который, вероятно, был своего рода эскизом к будущему большому произведению. Следующей целью Казакова было «махнуть на Орловщину», «в места, где начиналась жизнь Арсеньева» [17, с. 224].

«На протяжении всей жизни писателя имя Бунина обладало для него магической силой притяжения», – справедливо замечает исследователь Е. Чебракова [20, с. 213]. Он настолько был увлечен творчеством именитого художника, настолько проникся его судьбой, что, по признанию вдовы Казакова Т. М. Судник,

понимал жизнь Бунина больше, чем свою собственную. Подтверждают эти слова и воспоминания А. Шеметова об одном из тарусских вечеров: «Я спросил Юрия, не начал ли он работать над книгой о Бунине.

– Что значит работать? – сказал он, подчеркнув последнее слово. – Писатель работает над новой вещью с того момента, как возник замысел, а не тогда только, когда пишет. Бунин обдумывал “Жизнь Арсеньева” восемь лет, затем начал писать. Писал, публиковал, дополнял, правил. И на это ушло больше десяти лет. – И он начал рассказывать о трудной заграничной жизни Бунина, о его работе над “Жизнью Арсеньева”» [21, с. 49].

Столь активный интерес, проявленный Казаковым и другими молодыми писателями к личности и художественному наследию нобелевского лауреата, был вполне объясним. «Естественно, что на него набросились, – вспоминал Ю. Нагибин, – ведь Толстой, Тургенев, Чехов и другие гиганты читаны-перечитаны. И к тому же Бунин наиболее современный нам из классиков» [5, с. 366]. Нобелевский лауреат действительно оказался хронологически самым близким к генерации писателей 1950-1970-х гг. Однако главная причина состояла все же в другом. Выдвинутый в свое время М. Горьким лозунг «учебы у классиков», «мастеров русского социального романа», которые должны были показать молодым писателям, как «держать... целую литературную вещь, как сращивать ее с сюжетом», как «словом поймать вещь, «пригвоздить» ее» [1, с. 309], на самом деле обернулся слепым, бездумным усвоением лишь формальных приемов художественного мастерства, не имеющих ничего общего с наследованием традиции и порождающих в конечном итоге эпигонство или неосознанное пародирование. К тому же такая «учеба» на длительный период остановила развитие тех плодотворных и новаторских форм и идей, какими была богата не только русская советская литература 1910-1920-х гг., но и литература русского зарубежья, бывшая в Советском Союзе долгое время под запретом. Поэтому впервые опубликованный в 1950-е гг. в нашей стране Бунин стал для молодых писателей того времени животворным источником новых форм и идей, прекрасным образцом изобразительно-выразительного мастерства.

В числе других писателей второй половины XX в. Казаков, осознавая важность и ценность обретенной заново литературы в лице великого классика, задался целью связать концы некогда оборванной нити. Молодой писатель был, пожалуй, одним из первых, кто предпринял попытку вернуть в современную прозу ту завороченность красотой мира и те изобразительно-выразительные возможности слова, которыми были насыщены произведения Бунина, в форме живой и насыщенной традиции.

Сознательное, открытое, даже демонстративное следование Казакова бунинской традиции, долгое время «запретной» для советской литературы, приобрело сугубо новаторский и вместе с тем полемический характер, поскольку соединялось с отталкиванием от усредненной продукции соцреализма. Причем особенно отчетливо полемичность позиции Казакова ощущалась у истоков его писательского пути.

Эпоха, в которую начинал творить прозаик, ставила художников слова 1950-1970-х гг. в определенные, довольно узкие рамки. Приоритет коллективного, активно насаждаемый сверху руководителями государства, заставлял многих писателей отдавать предпочтение интересам общественным, вследствие чего индивидуальное закономерно было отодвинуто на задний план и практически забыто. Однако Казаков и другие писатели, его современники (В. Аксенов, Г. Горышин, В. Конецкий, В. Липатов и др.), не приемлющие подобного подхода, предпочли придерживаться собственных представлений о том, какой должна быть литература. Такая позиция закономерно «вернула» их в литературную борьбу «гуманистических начал с фальсифицированной», упрощенной «версией мира и человека, созвучной господствующей идеологии, с характерным для нее пренебрежением к неповторимой человеческой личности» [9, с. 98], которая, по словам М. М. Рощина, уже «шла тогда», и молодые художники «чаще всего терпели в ней поражение со значительно превосходящими силами противника» [16, с. 539]. Молодые писатели активно выступали против ложной идеализации жизни, против облегченного, а порой и примитивного истолкования многих непростых явлений и процессов, проходящих как в обществе, так и в душе отдельного человека.

Казаков был искренне убежден в том, что настоящий художник слова всегда должен обращаться к «душевному движению человека», обязан писать «о главном» в жизни. А когда он говорит: «Я пишу о строительстве водонасосной станции, – жалко и его, и читателя», – признавался прозаик [7, с. 176].

И тем не менее М. М. Рошин с сожалением отмечал, что «наверху и в почете зачастую оказывались писатели, которые писали из рук вон плохо, кое-как, которым что газетное, что книжное слово было одно, которые сочиняли ходульных, глупых героев, всех на одну колодку. О слове, о поэзии, об оригинальности, а уж не дай Бог, какой странности и речи не шло» [16, с. 539].

Находясь в начале своего творческого пути, Ю. П. Казаков отчетливо понимал, что его ярко полемичная позиция по отношению к «действующей» литературе, его блудливые странники и несчастные неудачники будут расценены как своего рода дерзкий вызов «положительному герою литературы социального оптимизма» [2, с. 135]. По справедливому замечанию исследователя Л. А. Остапенко, творить «без неизбежного в СССР “внутреннего редактора” было невозможно» [14, с. 158]. Молодой писатель, у которого и поэзии, и непохожести, и «странных» героев (очевидно выделявшихся на фоне «правильной» литературы) было предостаточно, часто подвергался недоброжелательным нападкам со стороны критики. Его не раз обвиняли в стремлении уйти от действительности, в несвоевременности затрагиваемых тем, в том, что самоуглубленность и замкнутость персонажей его рассказов нередко оказывается на грани индивидуализма, отделяет их от реальности и погружает в мир собственных возвышенных чувств и переживаний. Реакцией на подобный рода критику стало письмо Ю. П. Казакова литературоведу Ал. Дымшицу, в котором молодой прозаик с негодованием замечает: «Не успел я напечатать свои первые рассказы в 1956 году, как меня тотчас называли “натуралистом”, затем я стал “декадентом”, “неореалистом”, “эпигонем”, “антигуманистом”, “абстрактным гуманистом”,

писали, что я смотрю на жизнь “из темного угла”, что я “клевету на действительность”, что я “серый нытик”, что рассказы мои “идейно порочны» [10, с. 171]. И все же он намеренно шел наперекор сложившимся обстоятельствам и честно признавался: «Первые произведения я писал с точки зрения “грубой силы”. По принципу: “вы пишете, что все хорошо, все прекрасно, так нате вам...”» [4, с. 3].

Своим творчеством Ю. П. Казаков сделал заявку не только на глубокий пересмотр исчерпавших себя концепций и установок, но и на изменение отношения к традиции. Это качество, разумеется, было присуще не одному Казакову. В той или иной степени оно являлось характерным и для других художников слова, современников писателя, – всех, кто стремился к критическому переосмыслению исчерпавших себя «канонов и представлений, мешавших нашему искусству двигаться вперед» [13, с. 331]. Однако, полагает литературовед А. Нинов, «Юрий Казаков, может быть, наиболее откровенно из всех своих сверстников выразил потребность вернуть нашей прозе те ее качества, которые в прошлом уже были утверждены русскими классиками как национальное достояние родной литературы» [Там же].

Бдительная критика конца 1950-х гг., имеющая преимущественно публицистическую, нежели литературоведческую направленность, «с присущей ей “проницательностью»» (Ю. Нагибин) встретила Казакова враждебно. Талант его никто не оспаривал, напротив, часто критики прямо писали о том, что он одаренный прозаик. Однако чересчур увлеченная проблемами идеологического самоопределения и «вербовкой» новых творческих сил, критика по обыкновению рассматривала литературу «не с точки зрения того, о чем она пишет, а с точки зрения того, пишет ли она, как должно» [3, с. 17]. Поэтому проза Казакова, совершенно очевидно выделявшаяся на тогдашнем литературном фоне, была незамедлительно определена в разряд неактуальной и откровенно асоциальной. Показателен в этом смысле критический отзыв на некоторые рассказы молодого прозаика главного редактора известного журнала «Новый мир» А. Твардовского, отметившего, что в них явно присутствует своего рода «абстрагирование от множества жизненных сложностей, связей, так сказать, “в чистом виде”. Вообще, по молодости опять же, автор думает, что чем более освобожден его рассказ от жизненных, временных примет, тем он “художественнее”» [18, с. 374]. Критики и литературоведы, характеризуя произведения Казакова, также указывали на то, что его герои зачастую как будто отъединены от социальной жизни.

Примечательно, что во внесоциальности, в отсутствии внимания к злободневным проблемам современности часто упрекали и Ив. Бунина. Литературовед О. Михайлов, обращаясь к этому вопросу, сделал небольшое, но весьма существенное и верное уточнение: «...к общественной проблематике в широком смысле Бунин шел, но шел своим, последовательным и “непрямым” путем: через попытки отыскать смысл бытия, через углубленное самопознание, через стремление выявить “вечные”, устойчивые и характеристические черты русского человека...» [12, с. 8]. Много лет спустя тем же путем пошел Казаков. Писатель ставил перед собой задачи гораздо выше и значительнее, чем того требовала отечественная критика.

Современный литературовед И. Штокман в работе «Долгое эхо» по поводу выпадов критики в адрес молодого писателя и особенно обвинений его произведений в асоциальности замечает, что «упрек этот интересен в той мере, что он... схватывая что-то в природе, самом нерве прозы Казакова, совершенно неправильно, абсолютно неточно формулировался» [22, с. 243]. Ученый справедливо указывает на то, что Ю. П. Казакова «постоянно волновала и притягивала первооснова жизни», «проявляющаяся не в “социуме”, не в недрах “сегодняшнего дня”, а в постижении человеческой природной природы, лучше всего видной в ярком свете “вечных” проблем...», а потому речь следовало бы вести о «неприятности социальности, толкуемой дежурно, в броском и поверхностном облике “примет современности”, именно примет, не более...» [Там же]. Иными словами, в прозе Казакова, безусловно, присутствовала социальная сторона жизни, но не тезисно регламентированная, а представленная через психологию и поступки его героев. «Мне кажется, – говорил Казаков, – что каждый писатель, имеющий смелость причислять себя к настоящей литературе, занят всю жизнь одним и тем же кругом проблем. Счастье и его природа, страдания и преодоление их, нравственный долг перед народом, любовь, осмысление себя, отношение к труду, живучесть грязных инстинктов – вот некоторые из проблем, которые меня занимают» [8, с. 135]. В их исследовании Казаков, несомненно, опирался на уже имеющийся опыт богатой литературной традиции прошлого.

Подводя итог, следует отметить, что Ив. Бунин стал для Ю. П. Казакова одним из тех учителей-единомышленников, которые указали ему верное направление движения в литературе. Ю. П. Казаков, чье творчество неизменно сопрягалось с художественным опытом Ив. Бунина, был убежден в том, что писатель должен «брать вечные темы»: «...любовь, измену, ненависть, страдание, радость... это всегда интересно и понятно людям. Показывайте новые отношения между людьми...» [11, с. 17]. Желание восстановить прерванную когда-то связь с предыдущей традицией и, творчески переработав ее, актуализировать, «осовременить» в собственных произведениях через осмысление «вечных» тем явилось для Ю. П. Казакова первостепенной задачей.

Список литературы

1. Берковский Н. Я. О традиции // Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. М.: Сов. писатель, 1989. 498 с.
2. Галимова Е. Ш. Художественный мир Юрия Казакова. Архангельск: Изд-во Поморского гос. пед. ин-та, 1992. 232 с.
3. Золотусский И. П. Правда правды // Вопросы литературы. 1966. № 2. С. 16-25.
4. Казаков Ю. П. В Казахстане // Ленинская смена. 1965. 31 января.
5. Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 1. Иван Бунин. 696 с.
6. Казаков Ю. П. Две ночи. Проза. Заметки. Наброски. М.: Современник, 1986. 336 с.
7. Казаков Ю. П. Для чего литература и для чего я сам? // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 174-190.

8. Казаков Ю. П. Молодые – о себе // Вопросы литературы. 1962. № 9. С. 134-136.
9. Келдыш В. На рубеже художественных эпох: о русской литературе конца XIX – начала XX века // Вопросы литературы. 1993. № 2. С. 92-105.
10. Кузьмичев И. С. «Снова вспомнил Ленинград...»: письма Юрия Казакова // Звезда. 1990. № 1. С. 162-177.
11. Любопытнов Ю. Дом в Абрамцеве // Литературная Россия. 1984. 31 августа. С. 16-18.
12. Михайлов О. Н. Путь Бунина-художника // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 1. Иван Бунин. С. 7-56.
13. Нинов А. Юрий Казаков // Сквозь тридцать лет: проблемы, портреты, полемика: 1956-1986. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 331-358.
14. Остапенко Л. А. Жанровая специфика произведений И. А. Бунина и В. М. Шукшина (на примере рассказов «Кукушка», «Чистый понедельник» И. А. Бунина и «Волки» и повести-сказки «До третьих петухов» В. М. Шукшина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18). Ч. 1. С. 155-158.
15. Рошин М. М. Князь: книга об Иване Буине, русском писателе // Октябрь. 2000. № 1. С. 3-88.
16. Рошин М. М. Полоса: повести, рассказы, статьи. М.: Современник, 1987. 558 с.
17. Тарасова Е. П. Он казался тогда по-настоящему счастливым: Юрий Казаков: начало пути // Наш современник. 1997. № 8. С. 222-231.
18. Твардовский А. Т. Казаков. Рассказы // О литературе. М., 1973. С. 373-374.
19. Твардовский А. Т. О Буине // Новый мир. 1965. № 7. С. 211-233.
20. Чебракова Е. В. Традиции И. Бунина в творчестве Ю. Казакова // Литературный процесс: традиции и новаторство: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. Ш. Галимова. Архангельск, 1992. С. 210-222.
21. Шеметов А. Тарусские встречи с Юрием Казаковым // Мир Паустовского. 1998. № 11-12. С. 46-49.
22. Штокман И. Г. Долгое эхо // Наш современник. 2007. № 8. С. 242-246.

**YU. P. KAZAKOV AND I. A. BUNIN:
ON PROBLEM OF SPIRITUAL AND CREATIVE GUIDELINES SEARCH**

Anna Mikhailovna Omel'yan, Ph. D. in Philology
Department of Philological Education
Belgorod Institute of Specialists Further Training and Professional Retraining
onr914@yandex.ru

The author considers the problem of spiritual and creative closeness of Yu. P. Kazakov to I. A. Bunin, which is not properly understood in modern science, and tells that the analysis of venerable writer's moral-philosophical, ethical views, the key principles of his creative work allows proving that I. A. Bunin became for Yu. P. Kazakov one of those like-minded teachers, who pointed him the right direction in literature.

Key words and phrases: literary tradition; innovation; aesthetic and spiritual guideline; artistic heritage; criticism.

УДК 81'22

Филологические науки

В статье рассматриваются принципы номинации травянистой и ягодной флоры в марийском языке. Особое внимание уделяется сущности процесса номинации фитонимов и его особенностей на примере названий растений в марийском языке. Автор представляет классификацию фитонимов, базирующуюся на разделении по семантическим моделям, лежащим в основе наименования растений народом Мари.

Ключевые слова и фразы: фитонимы; внутренняя форма слова; принципы номинации; атрибутивный компонент; семантический признак.

Ольга Сергеевна Пермякова

Кафедра иностранных языков

Поволжский государственный технологический университет

sahara2007@bk.ru

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

Номинация как процесс представляет собой сложное многоаспектное явление, включающее то, что связано с началом этого процесса и его концом, от предпосылок наименования и до его реализации.

В гносеолого-семиотическом аспекте номинация есть процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка, в языковые значения, отражающие в сознании носителей языка их общественный опыт. «Опыт создает инвариантный обобщенный образ предмета, который обычно предшествует его наименованию» [5, с. 147]. В процессе номинации человек выделяет данный предмет или явление среди других предметов или явлений. При этом «выявление мотивировочных признаков является необходимым моментом процесса наименования [1, с. 77]. Таким образом, наименование предмета происходит путем указания на его признаки.